

Фальк Бомсдорф

Груз прошлого

Как-то, когда в августе 1969 г. я в первый раз приехал в Россию, один немолодой строитель спросил меня, откуда я родом, – дело было в Абрамцеве, в День строителя. Услышав, что я из Германии, он очень дружелюбно, едва ли не восторженно произнес: «Мы уважаем немцев». Я заметил, что меня эти слова удивляют – все-таки именно мы, немцы, напали на Россию, из-за нас погибли миллионы его сограждан.

На это он мне ответил: «Ничего – это был приказ Гитлера, вы не хотели нападать на Россию», и это удивило меня еще больше. С одной стороны, я ощутил облегчение: он не упрекал меня за то, что я немец и мой отец воевал против России, а с другой – почувствовал неловкость, ведь я точно знал, что не один человек развязал войну против России. Разумеется, вина за случившееся на меня не распространялась, ведь я родился позднее. Но ответственным за те страдания, которые русские испытали из-за немцев, все-таки был. Примерно в этом духе я попытался разъяснить своему собеседнику понятие исторической ответственности, и что под этим понимается в Германии. Не знаю, понял ли этот приветливый человек, что я имею в виду, но с тех самых пор тема прошлого никогда меня не покидала.

В 1993 г. как представитель Фонда Фридриха Науманна я приехал в Москву и остался здесь вплоть до 2009 г., и именно эта тема стала основным полем приложения сил нашего Фонда. Ничего удивительного, что деятельность моя в России в конечном счете привела меня в «Мемориал», работа которого была полностью посвящена истории и ее восприятию. Так жизнь свела меня с Арсением Рогинским, за что я был и остаюсь очень благодарен судьбе. И если я и смог разобраться в тех вопросах, которые занимают каждого, кто всерьез интересуется российской историей, то лишь благодаря сотрудничеству с «Мемориалом». Речь идет вовсе не о знаменитых «проклятых» вопросах («Кто виноват?» и «Что делать?»), хотя они по-прежнему актуальны. Вопрос, который я задавал себе, более конкретен, да и вообще, как оказалось, он довольно простой: почему Россия не смогла занять в мире то место, которое должна была бы занимать, имея столько ресурсов? Под ресурсами я понимаю вовсе не нефть и не газ, а людей! Почему Россия так и не реализовала свои возможности? И не стала современным государством? Почему российское общество по-прежнему зависит от государства и полностью управляемо?

Ответить на этот вопрос не так уж и сложно, можно даже сказать, что ответ лежит на поверхности: развитию российского общества и страны в целом мешает слишком тяжелое бремя, и сильнее всего на Россию давит груз прошлого. Все будет зависеть от того, удастся ли обществу сбросить с себя эту ношу или хотя бы сделать ее более легкой, в противном случае люди обречены и дальше жить с этим грузом, который будет тянуть их вниз.

Нетрудно догадаться, какие выводы сделает для себя каждый, кто осознал существование бремени прошлого и мечтает о действительно сильной России: необходимо вести работу над прошлым – только таким образом его и удастся преодолеть. Это единственный путь, вступив на которой, страна и общество смогут выйти из замкнутого круга и больше не сворачивать на старые рельсы. Но прежде и обществу, и государству необходимо *узнать* свое прошлое и *признать*, что оно для них непосильная ноша. Нужно *изучать* свою историю, чтобы затем *преодолеть* ее бремя – эти слова должны стать девизом.

Судя по всему, в сегодняшней России наблюдается острая нехватка *знаний* о прошлом, нет *понимания* того, что прошлое является бременем. Почему так происходит? Есть все основания полагать, что ответственность за такое отношение к истории несет государство, претендующее на то, чтобы определять образовательную политику и формировать образ прошлого. Государство способствует созданию определенных исторических представлений. Для этого из школьной и вузовской истории изымают целые темы; если же нельзя сделать вид, что те или иные события вообще не происходили, то их стараются трактовать исключительно в положительном смысле. Показательно, как эти идеи были изложены одним из главных действующих лиц в сфере образовательной политики: дескать, цель уроков истории не в том, чтобы передавать школьникам знания о прошлом и тем самым *напоминать* им о нем, а в том, чтобы помочь им это прошлое *забыть*. Цель, которая при этом преследуется, – не память, а осознанное забвение. Таким образом уроки истории должны избавить подрастающее поколение от «чувства вины за родителей, за предков, за нацию в целом». Следует формировать у детей «оптимистическое восприятие» истории, прививать им представление о «славном прошлом».

Впрочем, само по себе «осознанное забвение» вполне имеет право на существование. Еще Ницше говорил, что всякая деятельность нуждается в забвении. Например, в первые послевоенные десятилетия в Германии люди старались не вспоминать о страданиях, причиненных немцами во времена Третьего рейха разным народам, в том числе своему собственному. Но человек не властен над памятью, и, по крайней мере с 1968 г., в Германии активно начали заполнять лакуны памяти. Вновь оказалось, что память – не только фундаментальное свойство человеческой идентичности, но и необходимое условие любого мыслительного процесса. Воспоминания имеют огромное значение, как это настойчиво утверждал Макс Вебер, и для политики каждого государства. На примере современной России эту мысль можно выразить так: мы не имеем права сознательно забывать о том, что некогда сыграло ключевую роль в формировании сегодняшнего общества и государства. Всякая культура памяти нацелена на предупреждение. Как выразился немецкий политолог Хельмут Кёниг, «память о прошлом – своего рода обещание не допустить его возвращения и способ обуздать его последствия».

По всей видимости, современная российская власть не особенно осознает эту роль памяти, как мы об этом можем судить по ее действиям. Настоящая застарелая травма из-за десятилетий несвободы и массовых преступлений «осознанно забывается», и на ее место встает травма воображаемая, якобы нанесенная недавно, – речь идет о мифологизированном понимании распада СССР как катастрофы. По словам одного здравомыслящего российского наблюдателя, в кодовой фразе о распаде СССР, с помощью которой вытесняется истинная травма, выражается глубокое сожаление из-за прекращения существования того самого государства, которое было повинно в травме настоящей!

Итак, в сегодняшней России на государственном уровне не ведется работа над прошлым, и это, конечно, сказывается на системе образования и на образцах поведения, существующих в обществе. Демифологизация не проводится, вместо этого создаются новые мифы. В конкретной политической ситуации это означает, что внешнее величие государства мыслится как нечто более значимое, нежели благополучие отдельного человека. Поэтому неудивительно, что многие из тех, кто еще вчера высказывал глубокие суждения о том, что Россия все еще находится на перепутье, сегодня все больше склоняются к мысли, что она в тупике.

Но из этого тупика Россия просто обязана выйти — это необходимо как обществу, так и государству.